

ВЯЧЕСЛАВ КОСОНОГОВ

ТЁПЛЫЙ ХЛЕБ
для
ЗИМНЕГО ЗВЕРЯ

Вячеслав Косоногов

Тёплый хлеб для зимнего зверя

«Автор»

2026

Косоногов В. Е.

Тёплый хлеб для зимнего зверя / В. Е. Косоногов — «Автор»,
2026

В заснеженном посёлке Нива замечает у порога следы зимнего зверя — существа, которое приходит туда, где в доме становится слишком много пустоты. Пока её мать медленно теряет силы и всё меньше хочет держаться за жизнь, девочка каждую ночь оставляет зверю тёплый хлеб, надеясь отвести его от дома. Но однажды Ниве приходится понять: иногда недостаточно накормить тьму — нужно напомнить человеку, ради чего ещё стоит вернуться к теплу.

© Косоногов В. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Тёплый хлеб для зимнего зверя	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Тёплый хлеб для зимнего зверя

Тёплый хлеб для зимнего зверя

Зимой посёлок становился меньше.

Не по-настоящему — дома стояли там же, заборы не сдвигались, колодец не уходил в снег глубже, чем каждую зиму. Но всё равно казалось, что улиц стало меньше, света — меньше, голосов — тоже. Будто холод медленно подбирал края мира к себе и стягивал их, пока между домами не оставалось только самое нужное: печной дым, узкие тропки, редкий лай собак и тусклые окна, за которыми люди сидели ближе к огню, чем друг к другу.

В их доме тоже стало меньше всего.

Меньше слов. Меньше шагов. Меньше запаха еды.

Только тишины — больше.

Нива проснулась ещё затемно от того, что в печи почти не осталось живого треска. Только мягкое красное дыхание в щели заслонки. Она лежала, не шевелясь, и слушала дом: ветер шёл по стенам, что-то тонко поскрипывало под крышей, а из соседней комнаты не доносилось ничего.

Это пугало сильнее звуков.

Она натянула шерстяные чулки, встала с лавки и подошла к печи. Пол был холодный, как вода в железном ведре. Нива подбросила в огонь две щепки, подула осторожно, и красное под золой дрогнуло, будто нехотя вспомнило, что ещё должно жить.

Только потом она открыла дверь на крыльцо.

Снег лежал серым, плотным, ещё не проснувшимся. Небо было низким, таким, будто и ему холодно держаться над землёй. У самой ступени, прямо под нависшим краем крыши, тянулись следы.

Нива не сразу поняла, что в них было не так.

Потом присела на корточки.

Они были слишком длинные для собаки. И слишком ровные. Будто тот, кто их оставил, не бежал, не рыскал, не путался у порога, а стоял тихо, терпеливо, почти по-человечески долго. Следы подходили близко, к самой двери. И от них шла к лесу одна тёмная дорожка, уже чуть занесённая ночной крупой.

Нива подняла голову и посмотрела на пустую улицу.

Никого.

Только дым из трубы соседнего дома и одинокая чёрная птица на перекладине колодца.

Она ещё немного посидела так, на корточках, чувствуя, как леденеют пальцы ног в чулках. Потом встала и прикрыла дверь.

В комнате было полутемно. Мать лежала лицом к стене.

Нива постояла у порога, не решаясь заговорить. Потом всё-таки тихо сказала:

— Мам.

Женщина не обернулась.

— Ты проснулась?

Пауза была долгой. Потом мать чуть шевельнула плечом.

— Да.

Голос прозвучал так, будто до него пришлось идти издалека.

Нива подошла ближе. На стуле у кровати стояла нетронутая кружка с отваром. Вчерашняя. На подоконнике белела тонкая полоска инея изнутри.

— Я печь растопила, — сказала Нива. — Сейчас теплее будет.

— Хорошо.

И снова всё.

Когда мать говорила так — коротко, без дыхания между слов, — Ниве казалось, что дом слушает. И тоже замирает.

Она забрала кружку, вынесла в кухню, вылила остывший отвар в ведро и долго смотрела, как по стенке тянется бледный пар. Потом поставила на стол миску с мукой, отрезала вчерашний ломоть и вспомнила то, о чём зимой шептались старухи у лавки.

Если к дому приходит зимний зверь, ему нельзя кричать в темноту.

Нельзя гнать его палкой.

Нельзя открывать дверь широко.

Надо оставить на пороге тёплый хлеб, чтобы он взял запах жизни и ушёл дальше, не заглядывая в дом.

Нива не знала, правда это или просто старая выдумка, которыми взрослые обвязывают страх, чтобы он был не таким голым. Но следы у ступени были настоящие. И мать, которая уже третий день почти не вставала, — тоже.

Она подняла ломоть, сжала его в ладонях и поняла, что этого мало.

Хлеб должен быть тёплым.

К вечеру снег пошёл снова.

Он не валил густо — так даже хуже. Шёл мелко, упрямо, весь день, будто кто-то наверху всё просеивал и просеивал белую муку через старое сито. К сумеркам посёлок почти исчез за этой медленной пылью.

Нива подмела пол, принесла воды, попробовала уговорить мать съесть хоть пару ложек похлёбки, но та только помотала головой.

— Потом, — сказала она.

— Ты всё говоришь потом.

Мать медленно повернулась к ней. Глаза у неё были открытые, ясные, и от этого Ниве стало ещё хуже. Лучше бы жар. Лучше бы кашель. Лучше бы хоть что-то, с чем можно спорить.

— Иди спать вовремя, — тихо сказала мать. — И печь не дай потухнуть.

Нива опустила глаза.

Эта фраза была простой. Но прозвучала так, будто мать говорила не про ночь. И не про печь.

После этого Нива уже не сомневалась.

Она дождалась, пока в комнате совсем стихнет движение, подбросила в печь ещё одно полено и поставила маленький круглый хлебец ближе к жару. Тесто она замешивала днём из остатков муки — не для них, не совсем. Просто руки сами сделали то, что надо.

Когда корка подрумянилась и в кухне стало пахнуть так, что у неё свело горло от голода, Нива завернула хлебец в полотенце и села на лавку ждать.

Дом медленно остывал вокруг огня.

Ветер снаружи гладил стены. Иногда под дверью тонко посвистывало. Часы у соседей, наверное, уже давно отбили поздний час, но сюда звук не долетал.

Наконец Нива встала.

Хлеб был ещё горячий, обжигал ладони даже через ткань. Она подошла к двери, взялась за щеколду и остановилась.

Вдруг там никого не будет.

Вдруг будет.

От этой второй мысли пальцы сделались как деревянные.

Она всё же приоткрыла дверь — ровно настолько, чтобы протиснуть руку с хлебом. Холод сразу вошёл в дом, быстрый, чужой, живой. Нива опустила хлеб на верхнюю ступеньку и хотела уже закрыть, но замерла.

Из темноты, чуть правее крыльца, донёсся выдох.

Не рычание.

Не шорох лап.

Просто чей-то очень усталый, медленный выдох, в котором было больше зимы, чем злобы.

Нива захлопнула дверь и прижалась к ней спиной.

Сердце билось так сильно, что, казалось, сейчас само постучит наружу.

Она стояла долго. Потом подошла к печи, села на пол и не заметила, как заснула, обняв колени.

Утром хлеба на ступени не было.

Зато следы стали ближе.

Теперь они не просто подходили к двери. Они расходились полукругом у самого крыльца, будто зверь обошёл дом, медленно, не торопясь, и снова вернулся к порогу.

Нива смотрела на снег, и у неё мерзла спина под платьем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.